

Imperial Spaces: Processes and Actors

Regular readers of *Quaestio Rossica* may have noticed that, alongside the variety of themes defining the *Problema voluminis* section, the journal remains faithful to a few select problems that repeatedly become the focus of discussions, forming the flagship theme of each issue. One such problem is the history of Russia during the imperial period in its various aspects and, more broadly, problems of Empire, as interpreted through the prism of the Russian experience. Recently, the professional community of historians of Russia (both in our country and abroad) has often raised the question, “Is it possible to talk about the history of Russia of the eighteenth – early twentieth centuries (or even the sixteenth – twentieth centuries) outside imperial discourse?” Alternatively, has the imperial theme exhausted itself, having entered a period of “historiographical fatigue”? These questions might be partially answered by the thoughts expressed by Dominic Lieven in his famous book, *Empire: The Russian Empire and its Rivals*, repeatedly reprinted in English at the beginning of this century and published in Russian translation in 2007. Justifying the historiographical interest in the imperial theme, the historian noted two important circumstances of this phenomenon. Firstly, the problem of imperialism should be placed in its proper historical context: “given empire’s overwhelming role in Russian history, coming to terms with empire is absolutely central to this redefinition. To make an impact on this debate, it is essential to look at empire in the round and comparatively...”; and secondly, its enduring relevance should be noted: “The history of empire is far too important to be value-free. <...> The study of empire says much about the contemporary global order,” [Lieven, p. XI, XVII]. In sharing these statements of an English colleague, the editorial board considers it reasonable to support the discussion of the imperial question (along with some others) as a kind of thematic constant on the pages of *Quaestio Rossica*.

As for this issue, the return to the question of the Empire was stimulated by a more specific circumstance. This year marks the 300th anniversary of the founding of Yekaterinburg, one of the leading cities of modern Russia and an obvious brainchild of Peter the Great’s imperial policy. Being based in Yekaterinburg, we, quite naturally, could not overlook this anniversary. In addition, this date turned out to be harmoniously integrated into the general context of the imperial history of the country. A manufacturing boom in the development of the large mining and metallurgical industry under Peter I was a direct consequence of both the current circumstances related to Russia’s participation in the Great Northern War and the implementation of a promising programme to turn the state into one of

the leading players in the European political arena. Yekaterinburg, which became the centre of industry in the vast eastern expanses from the Kama River in the Urals to Trans-Baikal, was initially planned to play a symbolic role in the new imperial policy. A bastion-type fortress, perhaps the first in the Asian part of Russia, half-timbered (*Fachwerk*) technology for the construction of the most representative buildings, visually referencing Western architecture, regular space planning, standard residential buildings, strict social zoning – all these features of Yekaterinburg emphasised the idea of the triumph of a “properly organised state” over “Asian chaos”, and embodied the cameralist metaphor of society as a well-established mechanism that worked to achieve the “common good”. At the same time, the early history of Yekaterinburg needs further research, all the available academic literature notwithstanding. To date, for example, there is still little knowledge about the demographic composition of the city in the first decades of its existence, which is largely due to the imperfection of census methods in eighteenth-century Russia. Thus, the article by *Elena Borodina* and *Svetlana Tsemenkova* (Yekaterinburg, Russia), which opens the *Problema voluminis* section, focuses on the analysis of early censuses of the fortress-factory population of Yekaterinburg and outlines the methods required for working with such censuses and their information potential. The authors have gathered materials not only from all-Russian, but also local population censuses, thus, their considerations about the complex analysis of documents containing demographic statistics of the epoch, which differ over time and are heterogeneous in structure, become important beyond local history. Establishing a large mining production complex in Yekaterinburg, the authorities were not initially sure which way to launch its development most effectively, and which would be more cost-effective: state-owned maintenance of factories and mines or stimulation of private entrepreneurship in the industry. The consensus concerning this question changed over time among the most competent specialists in the first third of the eighteenth century. *Mikhail Akishin* (St Petersburg, Russia) looks at the evolution of views on the problem of privatisation of mining and metallurgical enterprises, considering such important figures as W. de Henning, V. N. Tatishchev, officials of the Berg Collegium, and sections of the Russian monarchy in the 1720s–1730s. A characteristic feature of Yekaterinburg as a new type of settlement, brought to life by a complex interweaving of imperial state policy and real-life circumstances, was that the city, from its first years, became the centre of a growing network of educational institutions, as part of the implementation of Peter the Great’s “Enlightenment project”. In terms of the surprisingly high number of schools, their different levels and specialisation, Yekaterinburg differed favourably from most Russian cities of the time and was second only to both capitals. After all, according to the fair conclusion of I. I. Fedyukin, it was “the emergence and development of new forms of education... that constituted one of the most important stages of Russian modernisation in the eighteenth century,” and “new cultural skills, behavioural norms and

models of social relations” were spread “in many ways through educational channels” [cit. by: «Регулярная академия...», с. 8]. In addition to state schools, there were private schools in the city, including those organised by exiles. *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia) pays particular attention to this interesting point in her article.

The imperial theme of the issue continues with several articles unrelated to the anniversary of Yekaterinburg. The focus of their authors’ attention is the problem of movement, the dynamics of imperial development, scrutinised and presented from various angles. In the first instance, it is spatial movement both along the outer and the inner perimeters of the empire, given one of the essential properties of any empire is a *constant desire to expand and develop spaces*. In this regard, the articles by *Alexander Petrov* (Moscow, Russia) and *Yuliia Egorova* (Moscow, Russia) are extremely interesting. Both articles investigate Russia’s desire to gain a foothold in the North Pacific Ocean – at its extreme eastern borders, which the Russian advance was able to reach. The first article discusses attempts to establish official relations with Japan in the late eighteenth century and to annex (without excluding the help of “soft power”) the Pacific zone of the Far Eastern coast and the Kuril Islands (during A. Laxman’s expedition). Another article focuses on the state church policy of Russia in Alaska at the turn of the nineteenth century and the difficulties of interaction between the Kodiak ecclesiastical mission and the colonial administration represented by the Russian-American Company. An article by *Yakov Kiyashko* (Volgograd, Russia) and *Alexander Kleitman* (Moscow/Volgograd, Russia), which studies the geographically “internal” history of early imperial expansion, can also be characterised as thematically close to the first two. The article is centred around attempts to build the first Volga-Don canal in the late seventeenth century. Based on a thorough analysis of written and archaeological sources, the article reconstructs both the technical and technological aspects of the large hydraulic engineering and fortification structure, and the vicissitudes associated with the search for specialists hired abroad. At the same time, the article undoubtedly contains a second layer. Why was the construction of this canal required at all? And here, the theme of imperial expansion comes to the fore again: without this canal, the conquest of the Ottoman Azov, the neutralisation of the Crimean threat, and more than that – access to the Azov and the Black Seas – the initial phase of Russian imperial development in the Mediterranean would have been extremely difficult.

Expanding spatially, the empire acquired not just new territories, but also people; people organised in different ways, having different forms and levels of consolidation, their own historical experience, cultural identity and specific ideas about their way of life. Hence, another property of empire: constantly expanding, *to adjust, to look for optimal “settings” of the new order*, a balance between the originality of the constituent parts and the unification of the imperial whole. *Dmitry Khitrov* (Moscow, Russia) explores the goals that determined the reforms of the administrative and territorial division of the empire at the turn of the nineteenth century

via the example of Vyatka Region, and M. M. Speransky's transformation projects. *Tatiana Andreeva* (St Petersburg, Russia) explores the views of the famous reformer on the issue of state structure and governance in Russia in the dynamics of two reigns (Alexander I and Nicholas I).

The order of an empire does not end with project design and global processes. Nor does it manifest as a continuous triumph of the system over the everyday tactics of its subjects. The diversity of life does not submit itself to total unification, and individual and collective practices of resistance or the search for comfortable modes of interaction with the authorities are the topics of three more articles of the section. *Maya Lavrinovich*, an independent researcher from Israel, looks at the activities of the protestant Herrnhuter communities that spread in the Baltic provinces and initially did not alarm the imperial centre, mainly because St Petersburg had a rather vague idea of the essence of their teachings. But the independent actions of the local self-government bodies in Livonia regarding the movement of the Herrnhuter brethren turned the problem into a political one, revealed by the beginning of the 1740s with the growing autonomy of the Ostsee nobility.

The *Disputatio* section traditionally serves as a free “non-thematic” platform for the presentation of research results across a wide range of problems related to the history of Russia, the Soviet Union, and post-Soviet states. This time its chronology covers the period from the middle of the thirteenth century to the beginning of the 1940s. *Alexander Maiorov* and *Irina Rudenkova* (St Petersburg, Russia) use Russian and foreign sources to attribute the personalities of the “most cunning cardinals” who were sent, according to the *Life of Alexander Nevsky*, to the Grand Duke of Vladimir in 1252–1253 from Pope Innocent IV, to persuade the Russian sovereign and his subjects to adopt Catholicism. The authors conclude that such envoys could not have been cardinals, but rather bishops – representatives of cardinals Guglielmo Fieschi and Hugh of Saint-Cher – who oversaw the “eastern” direction of the Vatican's ecclesiastical and political activities (including relations with the Patriarchate of Constantinople and the legate in Central and Eastern Europe, respectively). In their opinion, the most likely candidates for the role of such ‘cardinal emissaries’ may have been Bishop Jacopo da Breganze of Verona and Bishop Hermann von Gleichen of Cammin. *Andrey Belyakov* (Moscow, Russia) presents a rare early documented case of the use of the intelligence formula “words and deeds” (Rus. *слово и дело*) in the late sixteenth century in the reconstruction of the history of the Bykasov service family from Moscow.

The article by the famous historian of Russia, *Daniel C. Waugh* (Seattle, USA), is a continuation of the study of the translations of Dutch texts for the *Kuranty* manuscript newspaper. This issue presents translations of editions from 1667 and 1671, describing the search for trade routes through Russia to China. The author proves that the translator was A. Vinius, who selected information that was in tune with his own interests and ideas about the need to spread Russian influence to the East. In the spirit of the “new biographical history”, *Alexey Yastrebov* (Moscow, Russia),

presents the life story and career trajectory of Ivan Botsis, the Schout-bij-nacht and chief of the Russian galley fleet, and one of the close associates of Peter the Great. The piece reconstructs the little-known period of the naval commander's biography, his military and administrative activities under the flag of the Republic of Venice, and his journey to Russia, all full of dangers and adventures. *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgenii Krestyannikov* (Tyumen, Russia) look at the institutional processes involved in the reorganisation of administrative and judicial systems during the early and late imperial period. Based on previously unknown documents of the high-impact "Arkhangelsk case", it is shown that the functioning of the provincial apparatus in the early era of Petrine reforms was largely financed by local self-government bodies. The other article examines the formation of a professional corporation of forensic investigators in post-reform Russia, highlighting the acute shortage of qualified personnel in the Asian possessions of the empire, and shows the difficulties of interaction between forensic investigators and police officers in Siberia.

The section concludes with two articles dealing with cultural and political phenomena in the Soviet era. *Maria Ivanova* (Moscow, Russia) explores the process of the semantic development of the concept of "great power" in the Soviet public discourse of 1920–1935. *Velikoderzhavnost* or "great power aspirations" acquired negative connotations in the vocabulary of the Bolsheviks (primarily V. I. Lenin); it was associated with "great power chauvinism" and the imperial ambitions of tsarism. However, in a reinterpreted form, it gradually began to gain popularity in Soviet propaganda starting from the end of the Civil War. Soviet Russia and the USSR actualised the concept of a "great power" to position themselves in the arena of foreign policy. According to the author, the internal successes of the country's development became the basis for the semantic reacquisition of "great power" status. Based on newly discovered documents from the Russian Archive of Foreign Policy, *Julia Kantor* (St Petersburg, Russia), presents the triumphant world premiere of D. D. Shostakovich's Symphony No. 7 (*Leningrad*), the history of diplomatic support for its performance in the US, Great Britain, and Sweden in 1942–1943, and the socio-political effect caused by the performance of the brilliant work abroad.

In the *Origines* section, readers will find the publication of sources previously unknown or little-known within the field. *Sergey Ryabov* (Yekaterinburg, Russia) presents a letter from King John III of Sweden to King Charles IX of France, written in 1568. John of Finland, who came to power as a result of a conspiracy that same year, was in dire need of the legitimisation of his power, seeking a general international stabilisation of the situation in the Swedish Kingdom during a new stage of the Baltic Wars. This explains his appeal to the French monarch. The letter is replete with detail that provides additional information about the state of the Swedish-French, Swedish-Danish, and Swedish-Russian relations in the late 1560s. The Latin original, published in full for the first time, is accompanied by the author's translation into Russian. *Alexey Alekseev* (St Petersburg, Russia) introduces a previously

unpublished letter about the circumstances of the capture of the Nöteborg Fortress by Russian troops. This event, which took place on 12 October 1702, marked the beginning of the first victorious campaign, which ended with Russia's complete mastery of the Neva River, access to the Baltic Sea, and the foundation of St Petersburg. The author attributes the letter to P. P. Shafirov, whose addressee was boyar T. N. Streshnev, who at that time held an important post of a judge of the Razryad Prikaz. Written on the second day of the siege of Nöteborg, the letter contains many interesting details that differ from information previously presented, for example, in the *History of the Swedish War*. In particular, the letter does not mention anything about the personal contribution of A. D. Menshikov in the capture of the fortress.

The *Conceptus et conceptio* section offers the second part of a large-scale study by *Claudio Ingerflom* (Buenos Aires, Argentina; Paris, France), which focuses on one of the important phenomena of Russian popular socio-political thought, namely, the concept of the “good tsar” and its critical assessment in historiography.

Finally, the issue traditionally ends with the *Controversiae et recensione*s section. This time, *Alexander Emanov* (Tyumen, Russia) offers a review of *The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)*, a book by A. S. Shchhavelev published in Moscow by Aquilon Publishing House in 2020. The author of the review notes the innovative nature of the monograph, based on a comprehensive study of authentic foreign (primarily Byzantine) sources, which made it possible to revise many well-established stereotypes about the chronology and spatial localisation of the Rurikid Empire, which is traditionally called the Ancient Russian state. According to the reviewer, A. S. Shchhavelev rejects more traditional terms in preference to the concept of the “polity” of the Rurikid state, believing the key period of its existence to be the tenth century. The author also shows the international context of this polity, “one of the original and highly resilient” in Eastern Europe. *Evgeny Artemov* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgeny Vodichev* (Tomsk/Novosibirsk, Russia) are the reviewers of another monograph, focusing on one of the most epoch-defining and successful projects of the Soviet era, the nuclear project. According to the reviewers, the author of *Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing*, N. V. Melnikova (Moscow, 2022), created a panoramic picture of the most significant aspects of development of the nuclear project in the context of the Soviet economic system. In the historiography of the Soviet atomic project (both Russian and non-Russian), this kind of research is pioneering. Despite some ambiguities, according to the reviewers, the book has become a work that makes it possible to understand the strengths and weaknesses of the process of establishing the nuclear industry, as well as the socialist economic system as a whole.

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Постоянные читатели QR могли заметить, что наряду с разнообразием тематических подборок, определяющих рубрику *Problema voluminis*, редакция остается верна некоторым проблемам, которые время от времени вновь становятся в центр обсуждений, формируя флагманскую тему номера. Одной из таких проблем является история России имперского периода в ее многочисленных аспектах и, шире, имперская проблематика как таковая, осмысляемая через призму российского опыта. В последнее время в порядке дискуссий в профессиональном сообществе историков-русистов (и в нашей стране, и за рубежом) поднимается вопрос: а возможно ли говорить об истории России XVIII – начала XX в. (или даже XVI–XX вв.) вне имперского дискурса? Не исчерпала ли себя имперская тематика, не вошла ли она в период «историографической усталости»? На эти вопросы можно ответить размышлениями, высказанными Домиником Ливеном в известной монографии “The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth century to the Present”, неоднократно переиздававшейся на английском языке в начале нашего столетия и увидевшей свет в русском переводе в 2007 г. Обосновывая историографический интерес к имперской тематике, историк отметил два обстоятельства этого феномена – важность проблемы в собственно историческом ключе: «“Имперскость” всегда играла огромную роль в российской истории, и принятие этого факта является центральным моментом такого переосмысления, для которого необходимо всесторонне изучить проблемы имперской политики в целом...» – и ее непреходящую актуальность: «История империй слишком велика, чтобы быть бесполезной. <...> Изучение империй может многое нам сказать о природе современного мироустройства...» [Lieven, p. XI, XVII]. Разделяя эти высказывания английского коллеги, редакция считает резонным поддерживать имперское направление (наряду с некоторыми другими) в качестве некой тематической константы на страницах журнала.

Что касается конкретно данного номера QR, то продолжение темы (или очередное возвращение к теме) было стимулировано более конкретным обстоятельством. В текущем году исполнилось 300 лет со дня основания Екатеринбурга, одного из крупнейших и ведущих центров современной России и очевидного детища имперской политики Петра Великого. Находясь в Екатеринбурге, мы, естественно, не могли пройти мимо этой даты. Но, кроме того, она оказалась гармонично вписана в общий контекст имперской истории страны. Системное мощное развитие крупной горно-металлургической промышленности при Петре I стало прямым следствием как текущих обстоятельств, связанных с участием России в Великой Северной войне, так и реализации перспективной программы превращения государства в одного из ведущих игроков на политической арене Европы. Екатеринбургу, ставшему центром управления отраслью на огромных восточных пространствах от Камского Приуралья до Забайкалья, исходно была отведена роль символа новой имперской политики.

Крепость бастионного типа, едва ли не первая в Азиатской части России, фахверковая технология постройки наиболее представительных зданий, визуально отсылающая к западной архитектуре, регулярная планировка пространства, типовая жилая застройка, строгое социальное зонирование – все подчеркивало идею торжества «правильно организованного государства» над «азиатским хаосом», воплощало камералистскую метафору социума как хорошо отлаженного механизма, работавшего на достижение «общего блага».

При этом ранняя история Екатеринбурга при всей имеющейся научной литературе нуждается в дальнейшем исследовании. На сегодняшний день, например, не имеется точных представлений о демографическом облике города первых десятилетий его существования, что во многом связано со своеобразием и несовершенством методов учета населения в России XVIII в. Статья *Елены Бородиной и Светланы Цеменковой* (Екатеринбург, Россия), открывающая рубрику *Problema voluminis*, как раз и посвящена анализу ранних переписей населения крепости-завода, методам работы с ними и оценке информационного потенциала. Авторами привлечены материалы не только общероссийских, но и местных ведомственных переписей населения, а авторские соображения по поводу комплексного анализа разновременных и разнородных по структуре документов демографической статистики эпохи могут иметь значение не только для локальной истории. Формируя крупный горнозаводской производственный комплекс, власти не были изначально уверены в том, по какому пути наиболее эффективно пустить его развитие, что окажется более рентабельным: казенное содержание заводов и рудников или стимулирование частного предпринимательства в отрасли?

Точка зрения на этот вопрос менялась с течением времени даже у наиболее компетентных специалистов первой трети XVIII в. Эволюцию взглядов на проблему приватизации горно-металлургических предприятий Г. В. де Геннина, В. Н. Татищева, чиновников Берг-коллегии, отчасти и российских монархов в 1720–1730-е гг. анализирует в своей статье *Михаил Акишин* (Санкт-Петербург, Россия). Характерной особенностью Екатеринбурга как поселения нового типа, вызванного к жизни сложным переплетением программных установок имперской государственной политики и конкретных обстоятельств, инициатив его основателей, стало то, что город с первых лет оказался центром формирования сети образовательных учреждений, объективно включившись в реализацию «просветительского проекта» Петра Великого. По количеству школ, их разноуровневости и специализации Екатеринбург выгодно отличался от подавляющего большинства российских городов того времени и уступал только обеим столицам. А ведь, по справедливому заключению И. И. Федюкина, именно «возникновение и развитие новых форм образования... составляло один из важнейших этапов российской модернизации в XVIII веке», а «новые культурные навыки, поведенческие нормы и модели социальных отношений» распространялись «во многом

именно через образовательные каналы» [цит. по: «Регулярная академия...», с. 8]. Помимо казенных школ, в городе существовали частные, в том числе организованные ссыльными. Этому интересному моменту уделяет внимание в своей статье *Алевтина Сафронова* (Екатеринбург, Россия).

Имперская тематика номера продолжается и статьями, не связанными с юбилеем Екатеринбурга. Если попытаться кратко охарактеризовать их общую направленность, то можно заметить, что в фокусе внимания их авторов находится проблема движения, динамика имперского развития, понята и представлена в разных аспектах. Во-первых, это пространственное движение как по внешнему, так и по внутреннему периметру империи, ибо одно из существенных свойств любой империи есть *постоянное стремление к расширению и освоению пространств*. В этом отношении крайне интересны статьи *Александра Петрова* (Москва, Россия) и *Юлии Егоровой* (Москва, Россия). Обе посвящены стремлению России закрепиться в северной части Тихого океана – в крайних восточных пределах, до которых смогло дойти российское продвижение. И если в первой статье речь идет о попытках установления официальных отношений с Японией в конце XVIII в. и закрепления в том числе с помощью «мягкой силы» в Тихоокеанской зоне дальневосточного побережья и островов (экспедиция А. Лаксмана), то во второй авторское внимание сосредоточено на государственной церковной политике России на Аляске рубежа XVIII–XIX вв. и сложностях взаимодействия Кадьякской духовной миссии с колониальной администрацией в лице Российско-американской компании. Раскрывающая, казалось бы, географически «внутреннюю» историю раннего имперского расширения статья *Якова Кияшко* (Волгоград, Россия) и *Александра Клейтмана* (Москва/Волгоград, Россия), тем не менее, также может быть охарактеризована как тематически близкая первым двум. В центре ее сюжета – попытки строительства первого Волго-Донского канала в конце XVII в. Основанная на тщательном источниковедческом анализе данных письменных и археологических материалов, статья интересна тем, что в ней реконструируются как технико-технологические аспекты строительства крупного гидротехнического и фортификационного сооружения, так и перипетии, связанные с поисками и выстраиванием отношений со специалистами-инженерами, нанятыми за рубежом и имевшими различные взгляды на то, как надо вести строительство. Но при этом статья, несомненно, содержит и второй смысловой пласт. Зачем вообще потребовалось строительство этого канала? И тут на первый план вновь выходит тема имперского расширения: без этого канала были крайне затруднительны завоевание османского Азова, нейтрализация крымской угрозы, и больше того – выход в Азовское и Черное моря, начальная фаза Средиземноморской перспективы российского имперского развития...

Однако, расширяясь пространственно, империя приобретает не просто новые территории, но и людей – людей по-разному орга-

низованных, имеющих различные формы и уровни консолидации, собственный исторический опыт, культурную идентичность и конкретные представления о жизнеустройстве. Отсюда другое свойство империи: постоянно расширяясь, *обустраиваться, искать оптимальные «настройки» упорядочивания*, баланс между своеобразием составляющих частей и унификацией имперского целого. Именно эти цели определяли и реформы административно-территориального деления рубежа XVIII–XIX вв., особенности которых на примере Вятского края исследует *Дмитрий Хитров* (Москва, Россия), и проекты преобразований М. М. Сперанского. Эволюцию взглядов известного реформатора на проблему государственного устройства и управления в России в динамике двух царствований (Александра I и Николая I) рассматривает в своей статье *Татьяна Андреева* (Санкт-Петербург, Россия).

Но упорядочивание империи – не только программные проекты и глобальные процессы. И уж, конечно, не сплошной триумф системы над повседневными тактиками подданных. Многообразие жизни, не поддающееся тотальной унификации, индивидуальные и коллективные практики сопротивления или поиска более или менее комфортного варианта взаимодействия с властью. Так, распространившаяся в прибалтийских провинциях деятельность гернгутеров (протестантских общин, по своим религиозно-общественным взглядам восходящих к «моравским братьям») изначально не вызвала тревоги имперского центра, в том числе и потому, что в Петербурге имели смутное представление о сути их учения. Но самостоятельные действия органов местного самоуправления в Лифляндии относительно движения гернгутеров перевели проблему в политическую плоскость, обнаружив к началу 1740-х гг. перед центральным руководством слишком большую (по его представлениям) автономию остзейского дворянства, что привело к репрессиям против гернгутеров, чья популярность в среде прибалтийского рыцарства была велика. Об этом статья *Майи Лавринович*, независимого исследователя из Израиля.

Рубрика *Disputatio* традиционно является свободной «внетематической» площадкой для презентации результатов исследований по самому широкому кругу проблем, связанных с историей России, Советского Союза и постсоветских государств. В этот раз ее хронология охватывает период от середины XIII в. до начала 1940-х гг. Соответственно, такой же широтой отличается и тематика представленных статей. Открывается рубрика статьей *Александра Майорова* и *Ирины Руденковой* (Санкт-Петербург, Россия), в которой авторы с помощью компаративного анализа русских и зарубежных источников атрибутируют личности «хитрейших кардиналов», посланных, согласно Житию Александра Невского, к великому князю Владимирскому в 1252–1253 гг. от папы Иннокентия IV с целью склонить русского государя и его подданных к принятию католического исповедания. Авторы приходят к выводу, что таковыми посланцами могли быть

не кардиналы, а епископы – представители кардиналов Гульельмо Фиески и Гуго де Сен-Шера, курировавших «восточное» направление церковно-политической деятельности Ватикана (отношения с Константинопольским патриархатом и легата в Центрально-Восточной Европе соответственно). По их мнению, наиболее вероятными претендентами на роль таких кардинальских эмиссаров могут быть веронский епископ Якопо да Бреганце и камминский епископ Герман фон Глейхен, именованные в житии по отношениям с кардиналами, руководившими их миссией.

Редкий ранний документально зафиксированный случай использования применения розыскной формулы «слова и дела» в конце XVI в. в контексте реконструкции истории московского служилого рода Быкасовых представляет в своей работе *Андрей Беляков* (Москва, Россия).

Статья известного историка-русиста *Даниеля Уо* (Сизтл, США) является продолжением исследования содержания переводов голландских текстов для рукописной газеты «Куранты». На этот раз речь идет о переводах списков 1667 и 1671 гг., посвященных вопросам разыскания торговых путей через Россию в Китай. Ученый доказывает, что автором переводов был А. А. Виниус, который отбирал для них информацию, созвучную его собственным интересам и представлениям о необходимости распространения русского влияния на Восток.

В духе «новой биографической истории» представлены жизненный путь и карьерная траектория Ивана Боциса, шаутбенахта и начальника русского галерного флота, одного из близких сподвижников Петра I. В публикации *Алексея Ястребова* (Москва, Россия) реконструированы малоизвестный период биографии флотоводца, предшествовавший переходу на русскую службу, его военная и административная деятельность под флагом Венецианской республики, полный опасностей и приключений путь в Россию. Институциональным процессам реорганизации управленческой и судебной систем периодов ранней и поздней империй посвящены статьи *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия) и *Евгения Крестьянникова* (Тюмень, Россия). В первой на основе ранее неизвестных документов резонансного следственного «архангелогородского дела» (расследование деятельности архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова в связи с его изветом на криминальную группу братьев Д. А. и О. А. Соловьевых) показано, что функционирование губернского аппарата в эпоху ранних петровских реформ во многом финансировали органы местного самоуправления, без поддержки которых коронный местный аппарат просто не мог бы существовать. Во второй исследуется становление профессиональной корпорации судебных следователей в пореформенной России, констатируется острый дефицит квалифицированных кадров в азиатских владениях империи, показаны трудности взаимодействия судебных следователей с полицейскими чинами сибирских уездов.

Завершают рубрику две статьи, в которых затронуты культурно-политические феномены советского времени. *Мария Иванова* (Москва,

Россия) исследует процесс ресемантизации понятия «великая держава» в советском публичном дискурсе 1920–1935 гг. Приобретшая ярко выраженные негативные коннотации в лексике большевиков (в первую очередь В. И. Ленина) «великодержавность», ассоциировавшаяся с «великодержавным шовинизмом» и имперскими амбициями царизма, оказалась востребована (в переосмысленном виде) и стала постепенно набирать популярность в советской пропаганде со времени окончания Гражданской войны. Советская Россия и СССР актуализировали понятие «великая держава» в целях позиционирования себя на внешнеполитической арене. Основой для присвоения «великодержавного» статуса стали, по мнению автора, внутренние успехи развития страны. *Юлия Кантор* (Санкт-Петербург, Россия) на основе впервые вводимых в научный оборот документов Архива внешней политики РФ представляет читателям триумфальную мировую премьеру Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича, историю дипломатической поддержки ее исполнения в США, Великобритании и Швеции в 1942–1943 гг. и общественно-политический эффект, вызванный исполнением гениального произведения за рубежом.

В рубрике *Origines* читатели найдут публикации источников, ранее не известных или малоизвестных в профессиональной среде. *Сергей Рябов* (Екатеринбург, Россия), представляет письмо шведского короля Юхана III французскому королю Карлу IX, написанное в 1568 г. Пришедший в результате заговора к власти в том же году Юхан Финляндский остро нуждался в легитимации своей власти, стремился к общей международной стабилизации положения Шведского королевства в обстановке нового этапа Балтийских войн и упрочения собственного статуса внутри страны. Этим и объясняется его обращение к французскому монарху. Письмо изобилует деталями, дающими дополнительную информацию о состоянии шведско-французских, шведско-датских и шведско-русских отношений в конце 1560-х гг. Латинский оригинал, впервые публикуемый полностью, сопровождается авторским переводом на русский язык. *Алексей Алексеев* (Санкт-Петербург, Россия) знакомит читателей с ранее не публиковавшимся письмом об обстоятельствах взятия русскими войсками шведской крепости Нотебург (русский Орешек, ныне – Шлиссельбург). Это событие, произошедшее 12 октября 1702 г., знаменовало начало первой победоносной кампании, закончившейся полным овладением Россией течением Невы, выходом к Балтийскому морю и основанием Санкт-Петербурга. Автор атрибутирует авторство письма П. П. Шафирову, адресатом которого был боярин Т. Н. Стрешнев, занимавший в то время важный пост судьи Разрядного приказа. Письмо написано на второй день овладения Нотебургом, содержит много интересных деталей, расходящихся со сведениями, изложенными, например, в «Истории Свейской войны». В частности, в письме ничего не сообщается о личном решающем вкладе А. Д. Меншикова во взятие крепости.

В рубрике *Conceptus et conceptio* опубликована вторая часть масштабного исследования Клаудио Ингерфлома (Буэнос-Айрес, Аргентина; Париж, Франция), посвященного осмыслению одного из базовых феноменов русской народной общественно-политической мысли – представлений о «добром царе» – и критической его оценке в историографии.

Наконец, номер традиционно завершает рубрика *Controversiae et recensioes*. В этот раз рецензию на книгу А. С. Щавелева «Хронотоп державы Рюриковичей (911–987)», вышедшую в Москве в издательстве «Аквилон» в 2020 г., подготовил Александр Еманов (Тюмень, Россия). Автор рецензии отмечает новаторский характер монографии, основанной на комплексном изучении аутентичных зарубежных (в первую очередь византийских) источников, позволивших пересмотреть многие устоявшиеся стереотипы о хронологии и пространственной локализации того образования, которое традиционно именуется Древнерусским государством. Как отмечает рецензент, А. С. Щавелев использует вместо него и подобных терминов понятие «полития» Рюриковичей, полагая верифицированным периодом ее существования X в. По-новому выстраивает автор и международный контекст этой политики, «одной из самобытных и обладавших высокой жизнестойчивостью» в Восточной Европе. Евгений Артемов (Екатеринбург, Россия) и Евгений Водичев (Томск/Новосибирск, Россия) выступили рецензентами другой монографии, на сей раз посвященной одному из эпохальных успешных проектов советской эпохи – атомному. Автор книги «Проблема кадров в атомном проекте СССР и ее решение» (М., 2022) Н. В. Мельникова, по мнению рецензентов, создала панорамную картину наиболее существенных сторон процесса становления и развития кадрового потенциала атомного проекта в контексте советской экономической системы. В историографии атомного проекта СССР (и отечественной, и зарубежной) такого рода исследование является первым. Несмотря на некоторые недоговоренности, книга, как считают рецензенты, стала трудом, позволяющим понять сильные и слабые стороны не только процесса создания атомной отрасли, но и социалистической системы хозяйствования в целом.

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Библиографические ссылки

«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М. : Новое изд-во, 2015. 408 с.

Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2000. 486 p.

References

Lieven, D. (2000). *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 486 p.

“*Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...*”: *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka* [“A Regular Academy Will Be Established...”: Educational Projects in Russia in the First Half of the 18th Century]. (2015). Moscow, Novoe izdatel'stvo. 408 p.